

ГЛАВА 1

Несчастный случай

С того дня, как Алекс попал в аварию на мотоцикле, я практически не выхожу из больницы. Смутно помню, как звонила его матери в Англию и сообщала эту новость. Замечательный у нас получился разговор: «Здравствуйте, миссис Эванс! Это Шарлотта Дион. Ваш сын в больнице, в коматозном состоянии...» — пробормотала я по-английски. Вышло невнятно — так у меня дрожал голос, — но, думаю, она поняла, что случилось что-то серьезное, когда я разразилась рыданиями. Меньше всего на свете мне хотелось сообщать ей такое печальное известие и при таких обстоятельствах, ведь это был наш первый разговор, но все случилось так быстро...

Как только доктор сказал, что прогноз неутешительный, Жан посоветовал мне позвонить родным Алекса. «Они должны знать! — повторял он. — Что, если...»

Я закатила ему истерику. Как это можно — предлагать мне представить худшее? Алекс — здоровый молодой мужчина, он будет бороться за жизнь и, конечно же, выйдет из комы! Всю ночь я умоляла его вернуться ко мне, говорила о том, как он мне нужен, но Алекс так и не проснулся, поэтому я решила позвонить его родственникам. Сказала себе, что голос матери, может стать, вернет его к реальности. И вместе у нас будет больше шансов удержать его в этом мире.

При таких неординарных обстоятельствах в маленьком приемном покое монреальской больницы Ройял-Виктория я знаколюсь с Брендой и Карлом Эвансами. Миссис Эванс, которая меня совсем не знает, бросается мне на шею и начинает благодарить за то, что я сообщила ей о трагедии. По-французски она говорит с выраженным британским акцентом.

— Как он себя чувствует?

— До сих пор в коме, — грустно отвечаю я. — Никаких изменений.

Мне тяжело в очередной раз это повторять. Я опускаю голову, чтобы скрыть слезы, но моя без пяти минут свекровь спешит меня обнять и утешить. Не знаю, откуда у нее столько доброты по отношению к совершенно незнакомой девушке. Но чувствовать на плече ее теплую руку мне очень приятно. На несколько минут я замираю, а потом вдруг вспоминаю, что времени остается очень мало: у Алекса всего три дня, чтобы выйти из комы без последствий.

К разговору подключается Жан. Он повторяет слова доктора: если Алекс очнется, многим элементарным вещам ему придется учиться заново, но я сердитым взглядом заставляю его замолчать. Главное — это чтобы Алекс вышел из комы. Чтобы он остался жив. Вряд ли кто-нибудь это замечает, но я постоянно молюсь. Вот и теперь я секунд на десять закрываю глаза и мысленно повторяю: *«Господи, сжалься, не забирай его у меня!»* Если Бог есть, Он не может быть настолько жестоким: я не сделала ничего плохого, никогда ничего у Него не просила. Алекс — это все, что есть у меня в целом мире.

По первой же просьбе я веду Бренду и Карла в палату интенсивной терапии, но порог переступаем только я и миссис Эванс. Карл растерянно замирает перед окошком в двери, через которое видна кровать и лежащий на ней Алекс. Я подвожу Бренду к постели. Я догадываюсь, как ей больно видеть сына в таком состоянии — его лицо, лишенное всякого выражения, расцарапано и в синяках, на голове белая повязка, которую уже следовало бы сменить, тело подключено к многочисленным аппаратам, в том числе к прибору искусственного дыхания, благодаря которому грудь Алекса мерно поднимается и опускается. Неприятный шум прибора заглушает всхлипывания Бренды.

Я остаюсь рядом с ней до тех пор, пока она не привыкнет к тяжелому зрелищу, но стоит ей присесть на стул для посетителей и взять Алекса за руку — я уйду. Не хочу видеть ее горе, да и Бренде наверняка будет легче, если она будет знать, что никто за ней не подглядывает. С Алексом они не виделись больше трех лет. И, насколько я поняла, их отношения нельзя было назвать теплыми. Неидеальное время и место для примирения, но так уж

получилось... Я иду по коридору к Карлу. Он стоит у окна в приемном покое и смотрит на огни города.

— Ты тоже мог бы зайти к Алексу, — говорю я, когда между нами остается пара шагов.

Карл неопределенно кивает, словно еще не решил, хочется ему этого или нет. И я его понимаю. После смерти матери я возненавидела больницы. В этих белых стенах меня одолевают ужасные воспоминания. И если бы Алекс не лежал сейчас в одной из палат, меня бы здесь не было.

— Не уверен, что он хотел видеть меня, — произносит Карл на корявом французском.

Пронзительный взгляд его зеленых глаз останавливается на моем лице. Думаю, Карл хочет услышать от меня что-то ободряющее. А в самом деле, захотел бы Алекс увидеть брата после стольких лет?

— Не думаю, что это... имеет сейчас значение, — отвечаю я после паузы.

Как знать, слышит нас Алекс или нет, там, где он теперь находится? Как знать, присутствует ли он в своем неподвижном теле? Это страшно — понимать, что он рядом и в то же время так далеко. Слеза скатывается по моей правой щеке, и я спешу ее смахнуть. В знак утешения Карл кладет свою тяжелую руку мне на плечо. Я была бы рада перестать наконец думать о себе и найти обнадеживающие слова для родных Алекса, но мне это не удастся. Это непросто после двух бессонных ночей, проведенных в больнице в ожидании момента, когда доктор соизволит сказать хоть что-нибудь о состоянии своего пациента... И что же он сообщает? Что во время первой же операции Алексу стало хуже и он впал в кому. И что нужно набраться терпения и надеяться.

— Алекс о вас рассказывал, — внезапно говорит Карл.

Он берет мою руку и легонько проводит большим пальцем по подаренному Алексом колечку.

— Как давно вы помолвлены?

— Уже три месяца, — шепотом отвечаю я, и у меня в горле встает комок.

Я не смотрю на него. Да и зачем? Разве я здесь для того, чтобы рассказывать о нашей помолвке? Разве я не теряю драгоценное время на разговоры, вместо того чтобы молиться за Алекса,

молиться о том, чтобы он выжил несмотря ни на что? Он должен вернуться! Мы вдвоем должны были встретиться с его родными и сообщить им приятную новость, вдвоем должны были поехать в Англию... *«Алекс, проснись!»* — умоляю я снова и снова. Потому что знаю: одна я не справлюсь.

Карл отпускает мою руку и идет к палате брата, но почему-то опять останавливается у двери. Может, не хочет беспокоить мать или же страшится зрелища, которое ждет его с той стороны? Бренда выглядывает в коридор и делает ему знак войти. Вместе они исчезают в палате, а мне остается лишь надеяться, что их голоса пробьются в сознание Алекса.

Рядом беззвучно появляется Жан. Он смотрит на огни города, как это только что делал Карл. Думаю, Жан просто хочет напомнить мне о том, что он рядом, — на случай, если у меня появится желание с кем-то поговорить. Но мне сейчас не до того: я молюсь.

Не проходит и пяти минут с того момента, как Карл вошел в палату, — над дверью загорается лампочка. У меня обрывается сердце. Это значит, что-то случилось. Ноги реагируют раньше, чем голова, и я бегу туда. Но медсестры не пускают меня в палату, и я издали вижу, как тело моего нареченного содрогается в конвульсиях. В комнату входят какие-то люди, а меня и членов семейства Эванс, наоборот, прогоняют. Я смотрю попеременно то на Бренду, то на Карла, ищу хотя бы тень надежды.

— Что случилось? — в страхе спрашиваю я.

— Ничего, — отвечает Карл со слезами на глазах.

— Он просто начал... всем телом... неожиданно...

Жестами Бренда пытается изобразить, что же случилось с Алексом. Мне становится очень страшно. С тревогой в голосе я продолжаю их расспрашивать:

— Он очнулся? Он хоть что-нибудь сказал?

— Нет.

Ответ Бренды звучит категорично. Я закрываю глаза и снова молюсь: Алекс обязательно должен вернуться, должен с нами поговорить! Пробую заглянуть в окошко на двери, но кто-то задернул шторку. Может, Алекс пытается вернуться к жизни? *«Алекс, вернись! Ты не можешь вот так умереть!»*

Мы стоим не сводя глаз с двери и ждем, когда выйдет кто-то из докторов и скажет, что с Алексом все в порядке. Ожидание кажется бесконечным. И никто из нас не решается отлучиться.

Минут через двадцать из палаты наконец выходит врач. Он еще не заговорил, но по выражению его лица я понимаю, что все мои надежды пошли прахом.

— Мне очень жаль. У пациента началось кровотечение, и мы не смогли его остановить. Летальный исход...

Я чувствую на себе взгляды Карла и Брендды. Поняли они, что сказал доктор, или нет? Услышать это один раз — уже страшная боль, но тут Брендда задает вопрос по-английски:

— Что? Он... он умер?

Крик формируется у меня в груди, но я вдруг понимаю, что потеряла голос. Чувствую, как кто-то обнимает меня за шею. Но я не хочу оборачиваться и встречаться с ним взглядом, кто бы это ни был. Я отодвигаюсь, хочу уйти, борюсь с желанием упасть на пол и умереть на месте. Доктор все еще рядом, но, когда он отвечает Брендде, мне кажется, что его голос доносится с другого конца земли. Они попытались прооперировать Алекса, и он не выжил. Никто не произносит это слово на моем родном языке, но от этого ничего не меняется: Алекс умер. Его больше нет. И никто не знает, где он теперь. Я чувствую, как силы меня покидают, и всхлипывания Брендды эхом отдаются в моей голове, отчего мне становится еще хуже. *«Алекс, как же так?»*

Я нащупываю стенку, хотя ноги ведут меня совсем в другую сторону. Мне хочется остаться в одиночестве и поплакать, но все следуют за мной, словно я куда-то их веду. Жан поддерживает меня, пытается приобнять, но я сопротивляюсь и отталкиваю его изо всех сил. Не хочу, чтобы ко мне прикасались, не хочу слышать о том, что Алекс умер! Не хочу, чтобы он был мертв! Чтобы избежать чьих бы то ни было объятий, я падаю на стул, закрываю глаза и скрючиваюсь, как моллюск в раковине. До меня долетают голоса, они стараются удержать меня в этом мире, где у меня больше ничего нет.

— Шарлотта! Это пройдет... — твердит голос Карла по-английски.

Его слова задевают меня за живое, и я поднимаю голову, чтобы смерить его злым взглядом и крикнуть:

— Нет! Не пройдет! Никогда не пройдет!

Он присаживается на соседний стул, проникает в мою раковину, чтобы меня обнять, шепчет свое бесконечное *«Это пройдет!»*, и до меня вдруг доходит, что он пытается сказать: не надо прятаться; плакать — это нормально.